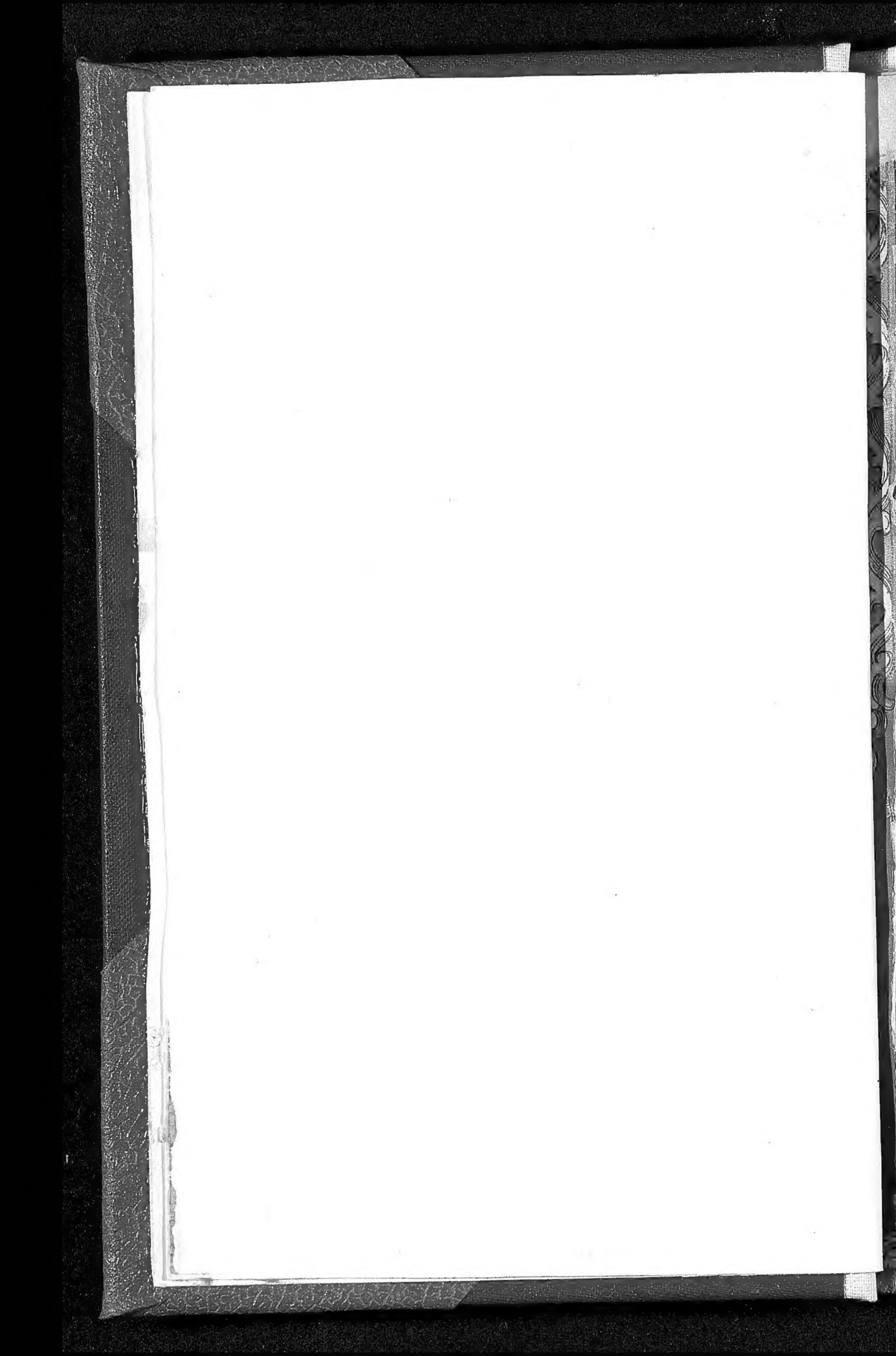

Е. ПОСЕЛЯНИНЪ.

ГЕРОИ И ПОДВИЖНИКИ ЛИХОЛѢТІЯ XVII ВѢКА.

Книгоиздательство
СПБ., Мойка 32.
„Сельскаго Вѣстника".

Т-во И. Д. Сытина
Москва
у Ильинскихъ воротъ

Цѣна 15 коп.

Е. Поселянинъ.

ГЕРОИ и ПОДВИЖНИКИ ЛИХОЛѢТЬЯ XVII ВѢКА.

Цѣна 15 коп.

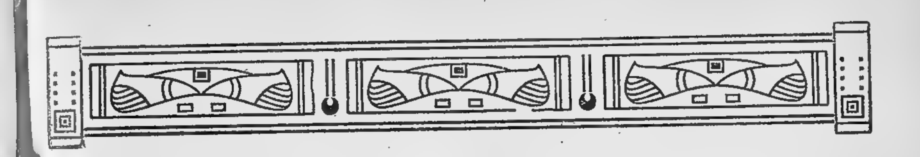
Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1913.

Книгоиздательство
СПБ., Мойка 32.
„Сельскаго Вѣстника"

Т-во И. Д. Сытина
Москва
у Ильинскихъ воротъ

Патріархъ Гермогенъ въ темницѣ.

Герои и подвижники лихолѣтья.

Повѣсть о подвижникахъ и о герояхъ лихолѣтья—это повѣсть о тѣхъ людяхъ, которые, въ годину величайшаго бѣдствія, беззавѣтно послужили Родинѣ.

Много условій способствовало возникновенію на Руси великой смуты: во-первыхъ, прекратился на московскомъ престолѣ Домъ Св. Владиміра за убіеніемъ послѣдняго сына Грознаго, Димитрія царевича, и смертью бездѣтнаго царя Θеодора Іоанновича; затѣмъ воцарился Борисъ Годуновъ, пробравшійся къ престолу происками, и, быть-можетъ, и преступленіемъ,—народная молва обвиняла его въ подготовленіи убійства Димитрія съ тѣмъ, чтобы самому занять престолъ послѣ смерти царя Θеодора, женатаго на родной сестрѣ Годунова; наконецъ, появился первый самозванецъ, которому помогала Польша и гулливое въ то время казачество.

Часть московскихъ людей, измѣнивъ крестному цѣлованію, которое было дано юному Θеодору, сыну Бориса, передалась на сторону самозванца, умертвила Θеодора Годунова, и тѣмъ облегчила Лжедмитрію путь къ престолу. Шелъ же самозванецъ въ Москву съ чужой силой, съ поляками, которые остались въ Москвѣ и послѣ убіенія перваго самозванца.

Послѣ гибели самозванца воцарился двоедушный Василій Шуйскій. Правленіе его проходитъ смежно съ владычествомъ второго самозванца, такъ называемаго Тушинскаго вора, сидѣвшаго у самой Москвы, въ селѣ Тушинѣ. Къ нему перешла жена перваго самозванца Марина Мнишекъ.

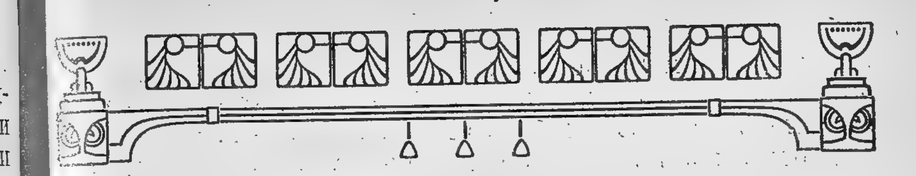
На Русь пошелъ польскій король Сигизмундъ, который началъ пробираться къ московскому престолу, прикрываясь именемъ своего сына Владислава, и Русь чуть не стала частью польско-литовскаго государства.

Василій Шуйскій позвалъ на помощь противъ поляковъ шведскую рать. И вотъ еще новые пришлые люди присоединились къ тѣмъ, которые клевали и щипали измученную Россію. Землю русскую рвали на части и тушинцы, и поляки, и свои грабители. А народъ, не зная, кому служить, у кого искать защиты, отъ отчаянія дошелъ до озвѣренія.

Началась безобразная борьба всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Знаменитый келарь Троице-Сергіевой лавры Авраамій Палицынъ такъ описываетъ ужасную русскую разруху:

«Россію терзали свои болѣе, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями ляховъ были наши измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ. Ляхи съ оружіемъ въ рукахъ только смотрѣли и смѣялись безумному междоусобію. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ, россіяне указывали или готовили имъ путь, и числомъ превосходнымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирая за тѣхъ, которые обходились съ ними, какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала ляхамъ: они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ, красныхъ юношей и дѣвицъ или отдавали на выкупъ ближнимъ—и снова отнимали, къ забавѣ русскихъ измѣнниковъ... Не было милосердія,—всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой казни: метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и сапомаловъ, въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ, грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя такую неслыханную злобу, ляхи содрогались и говорили: «что же будетъ намъ отъ россіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такой лютостью? Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи: ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою—домы и скирды хлѣба—да будетъ Россія пустыней необитаемою»...

И вотъ, должны были подняться для спасенія Руси ея «послѣдніе», «лучшіе» люди. Объ этихъ-то людяхъ и ихъ дѣлахъ и поведемъ мы рѣчь: о представителяхъ духовенства—патріархѣ Гермогенѣ и архимандритѣ Діонисіи, о представителѣ высшаго боярства: Скопинѣ-Шуйскомъ, о представителяхъ служилаго сословія князѣ Пожарскомъ и Ляпуновѣ, о представителѣ народа—Мининѣ.

Прокопій Ляпуновъ.

Рязанскій дворянинъ Прокопій Петровичъ Ляпуновъ представляетъ собой любопытное явленіе того бурнаго времени.

Это былъ человѣкъ, несомнѣнно любившій Россію, болѣвшій ея болями, поставившій себѣ завѣтную мечту врачевать и успокоить ее,—но человѣкъ, болѣе чувствовавшій, чѣмъ думавшій: онъ кидался въ разныя стороны, становился на разные пути, и, рано погибши, не успѣлъ увидать завершенія той задачи, которой отдалъ цѣликомъ свои недюжинныя силы.

Красивый, умный, храбрый, искусный вояка, человѣкъ напряженной воли, Прокопій Ляпуновъ всюду рвался въ первые ряды и совершенно не зналъ, что значитъ дожидаться. Истомившійся безвѣстностью, народъ во время великихъ государственныхъ потрясеній жадно ждетъ отъ кого-нибудь перваго сильнаго слова, перваго движенія и слѣдуетъ, какъ за вождемъ, за тѣмъ человѣкомъ, который такое жданное слово произнесетъ.

Когда появился Лже-Дмитрій, Ляпуновъ сталъ на его сторону, и нужно думать, что, какъ и многіе русскіе, вѣрилъ искренно въ то, что самозванецъ есть истинный Дмитрій. Кромѣ того, такъ какъ Дмитрій шелъ противъ Годунова и стараго боярства, то это самое увлекало Прокопія, стремившагося къ чему-нибудь новому.

Одно время Прокопій со своими рязанцами соединился было съ воровскимъ атаманомъ Болотниковымъ, но потомъ раздумалъ и явился съ повинною въ Москву къ царю Василію. Онъ былъ милостиво принятъ и получилъ санъ думнаго дворянина.

Но и тутъ Ляпуновъ не остался послѣдовательнымъ и замыслилъ выдвинуть впередъ князя Михаила Васильевича Скопина - Шуйскаго. Во время пребыванія юнаго

героя, по пути въ Москву, въ Александровской слободѣ, онъ отрядилъ къ нему своихъ людей, которые отъ имени Ляпунова поздравили юнаго Михаила царемъ.

Послѣ внезапной смерти Скопина Ляпуновъ началъ дѣйствовать противъ царя Василія и требовалъ сверженія его, какъ погубителя знаменитаго своего племянника. Братъ его Захаръ Ляпуновъ поднялъ народъ противъ царя Василія и свелъ его съ престола (17 іюля 1610 г.)

Послѣ того, какъ польскій король Сигизмундъ самъ пожелалъ, вмѣсто выбраннаго въ цари сына его Владислава, занять царскій престолъ и патріархъ Гермогенъ въ своихъ граматахъ объяснилъ народу угрожавшую Россіи отъ этого гибель,—русскіе люди стали совѣщаться другъ съ другомъ, какъ бы соединиться всей землей и стать противъ польскихъ людей, чтобы всѣхъ ихъ изъ московской земли изгнать.

Во главѣ сталъ Ляпуновъ. Но нѣкоторыя его личныя свойства не обѣщали успѣха дѣлу. Ляпуновъ страстно любилъ первенство, завидовалъ людямъ, выше его стоявшимъ по рожденію. Онъ не только не хотѣлъ дѣлать никакихъ уступокъ сановникамъ и родовитымъ людямъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ величался предъ ними своимъ новымъ положеніемъ, возбуждая вражду и негодованіе.

Кромѣ того, Ляпуновъ соединился съ казаками, которые въ то время жили смутой. Даже Сапѣга, безуспѣшно передъ этимъ осаждавшій Троицкій монастырь, объявилъ вдругъ Прокопію о своемъ желаніи сражаться за православную вѣру противъ поляковъ, и Ляпуновъ принялъ это предложеніе. Но этотъ союзъ разошелся.

Когда освободительное ополченіе подошло къ стѣнамъ Бѣлаго города, Ляпуновъ сталъ у Яузскихъ воротъ и былъ главнымъ распорядителемъ въ ежедневныхъ стычкахъ.

Лѣтописецъ выражается о немъ такими любопытными словами: «Всего московскаго воинства властитель, скачетъ по полкамъ всюду, какъ левъ рыкая».

Въ первой освободительной рати 1611 года были люди и съ Волги, и съ Дона, и съ сѣвера, и съ понизовья, и съ Украйны. Тутъ находились служившіе раньше царю Василію, и воеводы Тушинскаго вора съ его ратными людьми, и многочисленныя казачьи скопища.

Надо было выбить поляковъ, занимавшихъ Кремль, Китай-городъ и часть башенъ каменнаго Бѣлаго города.

Голодали осажденные поляки съ русскими въ Кремлѣ, не сыто кормилось и освободительное ополченіе. Были выбраны великою ратью три начальника: князь Трубецкой, предводительствовавшій надъ бывшими приверженцами Тушинскаго вора (къ этому времени уже погибшаго), атаманъ Иванъ Заруцкій—предводитель казацко-холопскихъ полчищъ и думный дворянинъ Прокопій Ляпуновъ—предводитель земскихъ ратей. Но согласія между этими троеначальниками не было.

Въ это время пришло печальное извѣстіе о взятіи Смоленска поляками. Доблестный защитникъ Смоленска, бояринъ Шеинъ, былъ привезенъ королемъ Сигизмундомъ въ Польшу. Русское посольство: митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ и князь Василій Голицынъ заключены въ Польшѣ, гдѣ находился и сверженный московскій царь Василій Шуйскій, насильно постриженный.

Но Прокопій Ляпуновъ не падалъ духомъ и издалъ распоряженіе, возстановившее противъ него и казаковъ. Дѣло въ томъ, что при прежнихъ московскихъ царяхъ велось вознагражденіе за воинскую службу землями. Это вознагражденіе давалось по опредѣленному плану безъ расточительности. Тушинскій же воръ и Сигизмундъ, награждая своихъ сторонниковъ, прямо расхищали запасы государственныхъ земель.

Вотъ Прокопій Ляпуновъ и ограничилъ вознагражденія служилыхъ людей прежними окладами. Затѣмъ онъ рѣшилъ вступить въ борьбу съ казачьимъ своеволіемъ. Казаки небольшими отрядами, человѣкъ по двѣсти, разъѣзжали по дорогамъ, грабили и жгли села, деревни, города и посады, а людей убивали.

Прокопій установилъ такой порядокъ, чтобы казаки выѣзжали изъ таборовъ за провіантомъ не со своими атаманами, а съ «добрыми людьми изъ дворянъ», которые бы за ними присматривали.

Ляпуновъ хотѣлъ, чтобы вокругъ Москвы было тихо, и чтобы и торговые и ратные люди ѣздили въ Москву, не боясь грабежей.

Казаки были въ высшей степени возбуждены этимъ распоряженіемъ. Недовольствомъ ихъ противъ Ляпунова воспользовался польскій военачальникъ Гонсѣвскій. Онъ составилъ отъ имени Ляпунова подложную грамату и распространилъ ее среди казаковъ. Достаточно прочесть нѣ-

сколько словъ изъ нея, чтобы понять, какъ должна она была возмутить казаковъ: «Гдѣ споймаютъ казака, бить и топить. А когда, дастъ Богъ, государство московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ, т.-е. казаковъ, истребимъ».

Ляпуновъ, конечно, отрекся отъ этой граматы, но казаки уже были введены въ заблужденіе. Между тѣмъ, одинъ изъ сторонниковъ Ляпунова, поймавъ на грабежѣ двадцать восемь казаковъ, всѣхъ ихъ посадилъ въ воду, и они были еле спасены своими товарищами. Казаки приступили къ Ляпунову съ негодующими укорами, выхватили сабли, повалили и зарубили его.

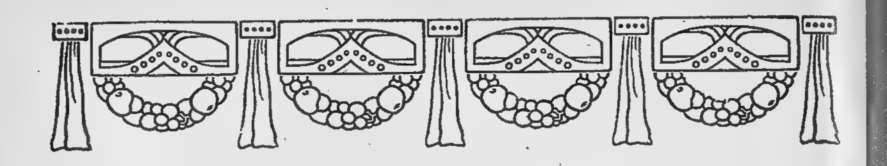
Ляпуновъ могъ ошибаться, Ляпуновъ могъ безтолково кидаться изъ стороны въ сторону, но народное сердце не ошибается. Народъ видѣлъ въ бурномъ, мечущемся Ляпуновѣ человѣка, сердце котораго было глубко ранено униженіемъ отечества, и который страстно искалъ выхода Россіи изъ ея тяжкаго положенія. Убійство Ляпунова произвело по всей Россіи самое тягостное впечатлѣніе.

Вотъ что писали казанцы въ Пермь объ этомъ событіи: «Подъ Москвой побораттеля по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру и за домъ Пречистой Богородицы противъ польскихъ и литовскихъ людей, Прокопія Петровича Ляпунова казаки убили, преступя крестное цѣлованіе».

Имя Ляпунова сохранилось и въ народой пѣснѣ:

Какъ было-то у насъ, на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ.
Было время военное, времечко тяжелое.
Заполонила-то Москву погана Литва,
Погана Литва, проклята польска сторона.
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ нечестивый Гужмундъ,
Жилъ онъ во святыхъ мѣстахъ,
Во святыхъ мѣстахъ, въ царскихъ русскихъ теремахъ.
Недолго продолжалась его московская веселая жизнь,
Недолго продолжалась, только много горя намъ накачалось.
Многи русскіе бояре нечестивцу отдались.
Нечестивцу отдались, отъ Христовой вѣры отреклись;
Ужъ одинъ-то бояринъ, думный воеводушка, крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ, измѣнниковъ отгонялъ:
Ужъ какъ думный воевода былъ Прокопій Ляпуновъ,
Какъ Прокопій-то Петровичъ разослалъ своихъ гонцовъ,
Какъ Прокопій Ляпуновъ роздалъ письма гонцамъ,

Роздалъ письма гонцамъ, и приказъ имъ приказалъ:
«Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ русскіе концы,
«На всѣ русскіе концы, во большіе города!
«Вы просите воеводъ идти съ войскомъ сюда,
«Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа».
Какъ узналъ то Гужмундъ отъ своихъ измѣнниковъ бояръ
Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города,
Гонцовъ въ города, просить воеводъ съ войсками сюда.
Распалился, разсердился нечестивый Гужмундъ;
Распалившись, велѣлъ воеводушку убить,
Того ли воеводу, Прокопья Ляпунова.
И убили злы измѣнники воеводушку.
Какъ и двинулись думны воеводы со большихъ городовъ:
Всѣ большіе города: Казань, Нижній пришли съ войскомъ сюда.
Какъ и начали Руссаки погану Литву колоть-рубить,
Погану Литву рубить, нечестиваго Гужмунда веревкой душить.
Удушили, все нечестивое племя изъ Москвы повыгнали.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Юный князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, племянникъ царя Василія Шуйскаго, выступаетъ впервые въ битвѣ съ Болотниковымъ на берегахъ Пахры.

Болотниковъ, происходившій изъ холоповъ, провелъ молодость бурно: былъ въ плѣну у татаръ, у турокъ невольникомъ на галерахъ, затѣмъ заброшенъ судьбой въ Венецію, и оттуда чрезъ Польшу пробрался на родину, и здѣсь сталъ мутить народъ. Онъ набралъ отрядъ всякихъ «воровскихъ людей», сталъ дѣйствовать въ пользу второго самозванца и двинулся на Москву. Но Скопинъ-Шуйскій разбилъ его на берегахъ Пахры. Однако, вскорѣ рать царя Василія Ивановича Шуйскаго была поражена при селѣ Троицкомъ, въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, и Болотниковъ дошелъ до самыхъ окрестностей ея, расположась въ селѣ Коломенскомъ.

1 декабря 1606 года Скопинъ-Шуйскій разбилъ Болотникова у деревни Котловъ.

Когда положеніе Шуйскаго ухудшилось и второй Лжедмитрій расположился лагеремъ подъ самой Москвой въ селѣ Тушинѣ, царь отправилъ въ Новгородъ Скопина-Шуйскаго, который и договорился со шведами относительно вспомогательнаго войска. Шведы обѣщали выслать на помощь царю пять тысячъ человѣкъ.

Разсылавшіяся изъ Новгорода граматы Скопина ободряли земскія рати, отбивавшія русское достояніе, города и села отъ сторонниковъ тушинскаго вора.

За помощь, которую оказывали шведы, царь долженъ былъ отказаться отъ правъ на Ливонію и быть въ постоянномъ союзѣ противъ Польши; причемъ и мириться съ Польшей они могли только совмѣстно. Обѣщая шведскимъ

солдатамъ по дешевымъ цѣнамъ кормы и лошадей, въ случаѣ падежа у нихъ собственныхъ лошадей, русскіе взяли обязательство со шведовъ, чтобы они въ Московскомъ государствѣ ничего не жгли, не разоряли, надъ иконами не глумились, крестьянъ не били и въ плѣнъ не брали.

Шведскій король получилъ городъ Карелу съ уѣздомъ «за его любовь и дружбу». Свои обязательства шведы выполнили честно. Кромѣ пяти тысячъ наемныхъ, они выставили еще около десяти тысячъ человѣкъ всякаго разноплеменнаго сброда. Надъ всѣми этими людьми общее начальство принялъ полководецъ Яковъ Делагарди, человѣкъ опытный и храбрый.

Съ весны же 1609 года Скопинъ началъ борьбу съ Тушинцами. Изъ Старой Русы былъ выгнанъ отрядъ запорожцевъ, подъ начальствомъ Кернозицкаго. Тушинцы были разбиты въ Торопецкомъ уѣздѣ, при селѣ Каменкѣ и вынуждены очистить Торопецъ, Торжокъ, Порховъ и Орѣшекъ.

Въ началѣ лѣта царь писалъ князю Михаилу Васильевичу: «И тебѣ, боярину нашему, никакъ своимъ походомъ не мѣшкать, намъ и всему нашему государству помощь на воровъ подать вскорѣ. И только Божіею милостью и твоимъ промысломъ и радѣніемъ государство отъ воровъ и литовскихъ людей освободится. Литовскіе люди твоего прихода ужаснутся, изъ нашей земли выйдутъ, и по Божіей милости побѣду надъ собой увидятъ. Ты въ великой милости отъ Бога, чести и похвалы отъ насъ и отъ всѣхъ людей нашего государства сподобившись, всѣхъ людей великою радостью исполнишь и слава дородства твоего (т.-е. доблести твоей) въ нашихъ и окрестныхъ государствахъ будетъ памятна. А мы на тебѣ надежны, какъ на свою душу».

Скопинъ спѣшилъ къ Москвѣ. Противъ него шли тушинцы подъ предводительствомъ Зборовскаго и князя Шаховскаго. Подъ Тверью Скопинъ, соединившись со смоленскимъ ополченіемъ, далъ битву Зборовскому. Сперва люди Скопина дѣйствовали неуспѣшно, но на разсвѣтѣ внезапнымъ ударомъ поразили поляковъ. Скопинъ двигался дальше, чтобы соединиться съ ополченіемъ сѣверныхъ городовъ. У Калязина онъ остановился. Пока поляки съ Сапѣгой безуспѣшно пытались овладѣть Троицкимъ монастыремъ, Скопинъ соединился съ сѣвернымъ отрядомъ, взялъ у Делагарди около тысячи человѣкъ и разбилъ

Сапѣгу. Послѣднiй на время оставилъ Троицкiй монастырь и Зборовскаго на рѣкѣ Жабнѣ, недалеко отъ Калязина. Тогда поляки отступили къ Троицкому монастырю. Между тѣмъ Скопину трудно было держать въ повиновенiи шведскихъ солдатъ, которые жаловались на то, что, вмѣсто четырехъ мѣсяцевъ, жалованье имъ заплачено было за два, и что русскiе не очищаютъ Карелы.

Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскiй.

Главною заботою царя Василiя и Скопина было добыть какъ можно больше денегъ для уплаты иностранному войску. Они посылали одну за другой граматы въ сѣверные города и монастыри, требуя денегъ для жалованья.

Соловецкiе монахи вняли царскому кличу и въ два прiема переслали въ Москву болѣе семнадцати тысячъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей.

Сѣверъ ополчался. Главныя рати царя Василія съ востока и запада собрались въ Москвѣ, чтобы у ея стѣнъ дать рѣшительный бой тушинскому вору, который властвовалъ надъ южною частью государства, надъ Украйной, надъ казацкими степями.

Скопинъ одержалъ побѣды надъ поляками у Твери и подъ Александровымъ.

Между тѣмъ, самозванецъ, при появленіи короля Сигизмунда подъ Смоленскомъ, встревожился за свою судьбу и бѣжалъ въ Калугу. Москва, такимъ образомъ, была свободна отъ Тушинскаго вора.

Шведы требовали себѣ новыхъ вознагражденій и уступокъ. Наконецъ, трехмѣсячное содержаніе шведскаго отряда было обезпечено. Сапѣга долженъ былъ снять осаду Троицкаго монастыря и съ небольшимъ количествомъ своихъ людей укрѣпился за Дмитровымъ, тогда какъ остальные отправились за припасами за Волгу.

Въ половинѣ февраля русскіе и шведы разбили Сапѣгу. Онъ пошелъ тогда къ Волоколамску, и Скопинъ могъ свободно вступить въ Москву.

Скопину было въ то время не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ. Въ одинъ годъ онъ снискалъ себѣ ту славу, которую другіе полководцы пріобрѣтаютъ подвигами долгой жизни.

Онъ былъ любимъ всѣми гражданами, всѣми земскими людьми, которые жаждали для истомленной родной земли успокоенія отъ смутъ, отъ буйства разнаго пришлаго сброда. На чемъ же было основано восхищеніе Скопинымъ и любовь къ нему современниковъ? Вѣдь онъ не одержалъ ни одной яркой побѣды, которая приковала бы къ полководцу благодарное вниманіе гражданъ.

Чуткое русское сердце страдало оттого, что не было на Руси чистаго, безупречнаго человѣка, къ которому оно могло бы привязаться. А этотъ молодой вождь среди общей измѣны, постоянныхъ предательствъ, клятвопреступничества оставался чистымъ, сосредоточивая на себѣ общее упованіе.

Все бездѣйствовало вокругъ нелюбимаго Василія Шуйскаго, одинъ Скопинъ возбуждалъ надежду на избавленіе. Это былъ молодой человѣкъ, прекрасный собою, со свѣтлымъ умомъ, не по лѣтамъ зрѣлый въ сужденіяхъ своихъ, искусный въ дѣлѣ ратномъ, вмѣстѣ и храбрый и страшный

умѣвшій обходиться съ иностранцами и тѣмъ болѣе привѣтливый къ своимъ. Всѣ отзывались о немъ наилучшимъ образомъ.

Онъ выступилъ въ тѣ годы, когда русское сердце было глубоко уязвлено, и сумѣлъ доставить всѣмъ радость облегченія, живыя надежды. Его, казалось, еще болѣе любили за то, что онъ долженъ былъ сдѣлать въ будущемъ. Ему предстояла судьба исключительная. Онъ былъ близокъ къ трону. На него народъ смотрѣлъ, какъ на преемника бездѣтнаго царя Василія.

Ближайшей задачей Скопина было очистить Московское государство отъ поляковъ и отъ такъ называемыхъ въ то время «воровъ», т.-е. всякихъ людей, искавшихъ въ русской разрухѣ личной себѣ пользы. Онъ долженъ былъ поддержать заколебавшійся престолъ своего стараго и малолюбимаго дяди-царя, примирить русскій народъ съ родомъ Шуйскихъ и упрочить этотъ родъ на престолѣ царскомъ.

Но въ то время Скопину-Шуйскому оставалось удачливо и ревностно служить дѣлу очищенія Руси и спокойно ждать времени, когда столь покровительствовавшая ему судьба возведетъ его на престолъ.

Однако, былъ одинъ преданный Россіи, безпокойный нетерпѣливый человѣкъ, который смотрѣлъ на дѣло иначе, и своей поспѣшностью, быть-можетъ, способствовалъ, хотя совершенно невольно, гибели такого дорогого и нужнаго для Россіи человѣка, какъ Скопинъ-Шуйскій.

Это—Прокопій Ляпуновъ, который не умѣлъ сдерживать себя и подчинять свои мысли и чувства общему благу. Ляпуновъ со своимъ взбалмошнымъ нетерпѣніемъ и съ малой разборчивостью въ средствахъ, не посовѣтовавшись даже съ самимъ Скопинымъ-Шуйскимъ, сталъ выдвигать его на престолъ.

Еще Скопинъ находился въ Александровской слободѣ, какъ къ нему пришли посланные отъ Ляпунова, поздравили его отъ имени Ляпунова царемъ и вручили ему грамату. Грамата эта содержала рѣзкіе выпады и укорительные рѣчи противъ царя Василія.

Внимать такимъ рѣчамъ и оставить безъ возраженія подобныя дѣйствія было бы явной измѣной своему дядѣ—царю. Первое движеніе князя Михаила Васильевича было совершенно правильное: онъ разорвалъ грамату, велѣлъ схватить посланныхъ. Потомъ, къ сожалѣнію, онъ далъ

орить себя, и, не донося въ Москву о посольствѣ унова, отпустилъ пословъ въ Рязань. Этотъ промахъ, етъ-быть, и былъ причиной ранней гибели Скопина-йскаго.

Царю донесли о посольствѣ Ляпунова и объяснили, что, и бы Скопинъ-Шуйскій былъ противъ предложенія Ляова, то онъ отправилъ бы пословъ въ Москву съ винною.

Лѣтописецъ говоритъ, что съ той поры «царь и его бра- начали держать мнѣніе на князя Скопина». 12 марта 0 года Скопинъ со шведскимъ военачальникомъ Делади торжественно въѣзжалъ въ Москву. Встрѣча ему была готовлена великолѣпная. По распоряженію царя, вельи вышли навстрѣчу князю Михаилу Васильевичу къ одскимъ воротамъ, держа хлѣбъ и соль. Но простые, скіе люди успѣли поздороваться со Скопинымъ раньше ря.

Они падали передъ нимъ на землю и со слезами благоили его за то, что онъ очистилъ Московское государо отъ враговъ. Общій подъемъ духа былъ столь великъ, современные писатели сравнивали пріемъ сельчанами пина съ торжествомъ юнаго Давида, котораго израиль- предпочитали больше чѣмъ Саула.

Сдержанный и осторожный царь Василій Ивановичъ йскій не показалъ племяннику неудовольствія или заи. Онъ встрѣчалъ племянника со слезами радости. Иначе къ Скопину-Шуйскому отнесся братъ царя, князь трій Шуйскій, который считалъ себя наслѣдникомъ побездѣтнаго брата. Онъ видѣлъ взрывы народной любви племяннику и понималъ, кто, на самомъ дѣлѣ, изъ хъ наслѣдниковъ ближе къ престолу, кого любовь одная уже нарекла заранѣе царемъ.

Князь Дмитрій постоянно нашептывалъ разные извѣты о Василію про князя Михаила Васильевича. Но царь не вѣрилъ этимъ извѣтамъ или считалъ Михаила льевича слишкомъ значительнымъ лицомъ и потому ражался на брата за его постоянные наговоры. Разивали, что однажды царь прогналъ отъ себя брата ой. Ходили также слухи, что царь объяснился вполнѣ енно съ племянникомъ. Скопинъ сумѣлъ доказать царю невинность и опасность всякихъ недоразумѣній въ запутанное время.

Но у народа бываютъ удивительныя предчувствія. даривъ какому-нибудь дѣятелю свое сердце, народъ вожится за него, предвидитъ опасности, которыя пот дѣйствительно, начинаютъ угрожать избранному челов

Такъ было на этотъ разъ и въ Москвѣ.

Царь показывалъ князю Михаилу Васильевичу по дружелюбіе,—быть-можетъ, вполнѣ искренно, быть-мож толко наружное, во всякомъ случаѣ—умѣло затаивъ недоброжелательство. А на Москвѣ уже говорили о что царь Василій злобствуетъ на дорогого всѣмъ к Михаила Васильевича. Эти толки дошли и до швед полководца Делагарди. Онъ предостерегъ Скопина- скаго и сталъ уговаривать его какъ можно скорѣе вить Москву и выступать къ Смоленску противъ поль короля Сигизмунда.

Передъ этимъ молодымъ человѣкомъ, котораго изб и усвоило себѣ народное сердце, лежала прекрасна дача довершить дѣло очищенія Русской земли отъ говъ. А между тѣмъ, дни и часы его жизни был сочтены.

Иногда судьба выбираетъ одного какого-нибудь че ка и въ изобиліи льетъ на него свои дары, вѣнчает чрезвычайными успѣхами и вдругъ, въ разгарѣ эти пѣховъ, пресѣкаетъ его жизнь.

Такъ именно и случилось съ молодымъ героем апрѣля въ Москвѣ были крестины у князя Вороты Тутъ же на пирѣ князь Михаилъ Васильевичъ Ск Шуйскій занемогъ и, проболѣвъ двѣ недѣли, умер

Въ народѣ стали говорить, что князь Михаилъ вленъ своимъ дядей Дмитріемъ. Толпа собралась нулась къ дому князя Дмитрія, чтобы его разгро покончить съ хозяиномъ. Пришлось войсками обе этотъ домъ.

Сказать съ достовѣрностью о причинѣ смерти Михаила Васильевича ничего нельзя. Одинъ лѣто передаетъ: «Много на Москвѣ говорили, что испорти тетка, княгиня Екатерина, жена князя Дмитрія скаго, дочь Малюты Скуратова и сестра царицы Григорьевны Годуновой, а подлинно-то единому извѣстно». Авраамій Палицынъ пишетъ: «Не знаем сказать: Божій ли судъ его постигъ, или злыхъ умыселъ совершился. Одинъ Создавшій насъ знает

народъ вѣсть о кончинѣ князя Михаила Васильевича произвела впечатлѣніе громового удара. Скопинъ-Шуйскій былъ близокъ къ престолу и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался безграничнымъ народнымъ довѣріемъ.

Послѣ смерти князя Михаила связь русскаго народа съ царемъ Василіемъ Ивановичемъ окончательно порвалась. Теперь его преемникомъ являлся князь Дмитрій, который, какъ народъ думалъ, хотѣлъ шагнуть на тронъ черезъ трупъ отравленнаго имъ племянника. Народъ этого не потерпѣлъ и возненавидѣлъ людей, которыхъ считалъ

Кн. Мих. В. Скопинъ-Шуйскій на пиру у кн. Воротынскаго.

виновниками смерти свѣтлаго витязя. Звѣзда Шуйскихъ закатилась.

Къ сожалѣнію, образъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго весьма неопредѣленъ вслѣдствіе крайне скудныхъ свѣдѣній, сохранившихся о немъ. До насъ не дошло отъ Скопина-Шуйскаго ни одного слова, ни писемъ—или его собственныхъ или людей къ нему близкихъ. Какая-то пелена покрываетъ этого человѣка, такъ сильно приковавшаго къ себѣ на одно время сердце и мысли народа. Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ сохранились слѣды отношенія народа къ своему герою.

Въ одной пѣснѣ описывается крестинный пиръ у князя Воротынскаго. Князь Михаилъ Васильевичъ на немъ не пьетъ вовсе зелена-вина, пьетъ только пиво и сладкій медъ, и безъ большого хмелья. Онъ начинаетъ похваляться передъ другими, которые хвастаются,—сильный своей силой, богатые—богатствомъ. Скопинъ говоритъ:« А вы, глупый народъ неразумный! А всѣ вы похваляетеся бездѣлицей. Я, Скопинъ, Михайло Васильевичъ, князь, могу похвалитися, что очистилъ царство Московское и великое государство Россійское, еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку отъ стараго до малаго, отъ малаго до вѣку моего».

И вотъ за эти будто бы хвастливыя рѣчи нашла на бояръ злоба. Они насыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе, зелія лютаго, а Малютина дочь Скуратова подала отравленную чару князю.

Другая пѣсня такъ разсказываетъ о кончинѣ князя Михаила Васильевича:

> И что у насъ въ Москвѣ учинилося:
> Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили,
> А расплачутся гости москвичи:
> А теперь наши головы загибли,
> Что не стало у насъ воеводы,
> Васильевича князя Михаила.
> А съѣзжалися князи, бояре супротиво къ нимъ,
> Мстиславскій князь, Воротынскій,
> И между собою они слово говорили;
> А говорили слово, усмѣхнувшися:
> «Высоко соколъ поднялся
> И о сыру матерю землю ушибся».

Три вѣка прошло съ тѣхъ поръ, а, все-таки, оплакиваешь безвременную смерть князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго!

Патріархъ Гермогенъ.

Когда все въ Москвѣ изолгалось, когда дѣло дошло до того, что изъ занятой ляхами Москвы престолъ былъ предложенъ иновѣрцу королевичу польскому Владиславу и въ его лицѣ надвигалась на Русь латинская ересь, а Русскому государству грозила опасность быть поглощеннымъ Польшей,—тогда несокрушимымъ оплотомъ вѣры и православія явился патріархъ Гермогенъ.

Онъ спасъ русское имя и сохранилъ русскую землю, какъ самостоятельное государство. Онъ отстоялъ нашу вѣру. Вотъ почему патріархъ Гермогенъ принадлежитъ къ славнѣйшимъ, безсмертнымъ лицамъ нашей исторіи, безъ которыхъ жизнь руская пошла бы по инымъ русламъ, заглохла бы и погибла.

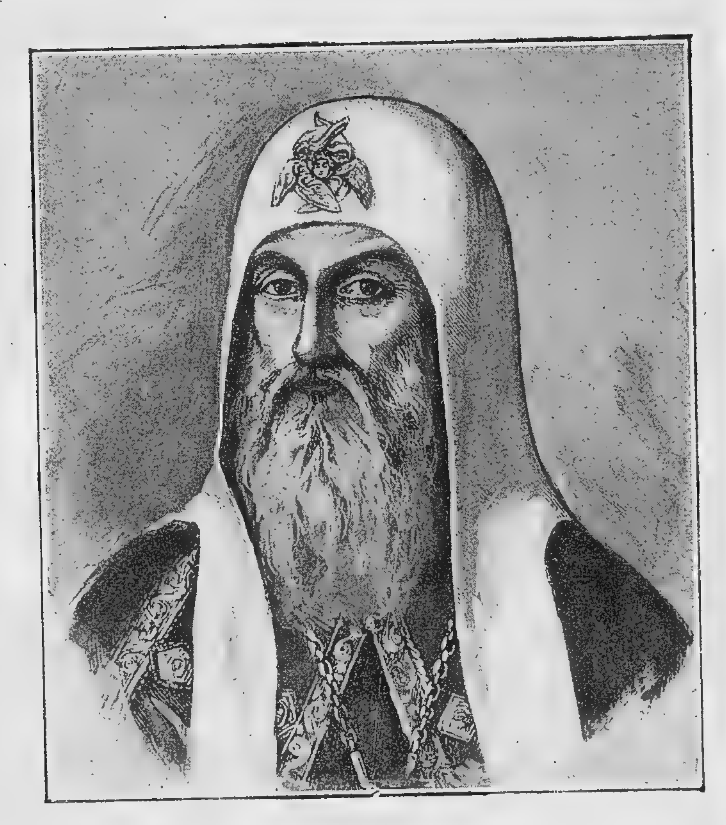
Происхожденіе патріарха Гермогена въ точности неизвѣстно. Одни утверждаютъ, что онъ происходилъ изъ донскихъ казаковъ и родился въ одной изъ придонскихъ станицъ, а другіе говорятъ, что онъ былъ изъ рода князей Голицыныхъ; мірское его имя—Ермолай. Юность свою онъ провелъ въ Казани, въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Тутъ онъ находился подъ руководствомъ святителя Варсонофія, основавшаго эту обитель и жившаго въ ней на покоѣ. Придя въ возрастъ, Ермолай былъ поставленъ священникомъ Казанской церкви Святителя Николая.

Когда послѣдовало чудесное явленіе Казанской иконы Божіей Матери, восьмого іюля 1579 года, то съ пожарища, на которомъ она была найдена, икона прежде всего была перенесена въ ближайшую церковь Святителя Николая, и несъ ее священникъ Ермолай, обливаясь слезами. Онъ же и описалъ это великое событіе.

Лишившись жены, от. Ермолай принялъ постригъ съ именемъ Гермогена. Благочестивый, хорошо образованный,

начитанный въ твореніяхъ святыхъ отцовъ и въ церковной исторіи, Гермогенъ былъ возведенъ въ санъ Казанскаго митрополита.

При немъ были перенесены изъ Москвы въ Свіяжскъ мощи Германа, архіепископа Казанскаго, скончавшагося и погребеннаго въ Москвѣ. А въ самой Казани открыты

Патріархъ Гермогенъ.

мощи святителей Гурія и Варсонофія, изъ которыхъ второй былъ наставникомъ Гермогена.

Непреклонную твердость свою Гермогенъ выказалъ передъ Дмитріемъ самозванцемъ. Когда въ Россію пріѣхала Марина Мнишекъ, то на соборѣ въ Москвѣ Казанскій митрополитъ Гермогенъ высказалъ, что невѣста царя должна прежде всего принять православіе.

Самозванецъ приказалъ лишить Гермогена сана и сослать въ заточеніе въ Казань. Но это распоряженіе не было приведено въ исполненіе, такъ какъ самозванецъ вскорѣ былъ убитъ. Послѣ гибели Лжедмитрія I вступилъ на престола Василій Шуйскій. Такъ какъ патріархъ Іовъ былъ сведенъ съ престола и заточенъ въ Старицу, то Василій предложилъ избрать митрополита Гермогена Всероссійскимъ патріархомъ.

Первымъ распоряженіемъ патріарха Гермогена было перенесеніе изъ Углича въ Москву мощей св. царевича Димитрія для прекращенія той смуты, которую производилъ второй самозванецъ. Этого самозванца онъ предалъ анаѳемѣ.

У Шуйскаго было много враговъ, которые звали народъ къ мятежу противъ царя. Патріархъ Гермогенъ въ граматѣ своей увѣщавалъ народъ быть вѣрнымъ царю. Съ атаманомъ Болотниковымъ, ведшимъ на Шуйскаго громадную шайку бѣглыхъ безпокойныхъ людей, Гермогенъ также расправился церковной анаѳемой.

Но второй самозванецъ, разбивъ царскія войска, безъ помѣхи подошелъ къ Москвѣ и расположился въ двѣнадцати верстахъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ названіе Тушинскаго вора.

Враги Шуйскаго въ Москвѣ продолжали возмущать народъ противъ царя. И Гермогенъ твердо поддерживалъ законнаго государя. Къ этому же времени относится шестнадцатимѣсячная осада Троице-Сергіева монастыря, рядомъ чудесъ и благодатною помощью преподобнаго Сергія отстоявшаго натискъ соединенныхъ скопищъ поляковъ, литовцевъ и русскихъ «воровъ».

Лѣтомъ 1610 года Шуйскій былъ насильно пострижен и сверженъ съ престола.

Началось междуцарствіе. Одинъ изъ бояръ—Мстиславскій настаивалъ на избраніи польскаго королевича Владислава, другіе называли князя Василія Голицына. Патріархъ Гермогенъ указывалъ на родъ бояръ Романовыхъ, именно на юнаго Михаила Ѳеодоровича, отецъ котораго при Борисѣ Годуновѣ былъ насильно постриженъ въ монашество, а въ то время состоялъ митрополитомъ Ростовскимъ. Отъ бояръ же, поддерживавшихъ Мстиславскаго, патріархъ потребовалъ, чтобы королевичъ Владиславъ, въ случаѣ занятія престола, непремѣнно принялъ православіе.

Было снаряжено многочисленное посольство подъ Смоленскъ, гдѣ стоялъ тогда съ войсками польскій король Сигизмундъ. Послами были митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, князь Василій Голицынъ, князь Мезецкій. Патріархъ Гермогенъ просилъ пословъ настаивать, чтобы королевичъ принялъ православіе:

— Какъ мученики, хотящіе мучиться,—говорилъ патріархъ,—низводите жизнь свою даже до смерти и получите вѣнцы царствія небеснаго.

Митрополитъ Филаретъ обѣщалъ скорѣе умереть, чѣмъ не соблюсти это условіе.

Когда послы доѣхали до Смоленска, то оказалось, что Сигизмундъ хотѣлъ самъ занять московскій престолъ, вмѣсто сына.

Стоявшій подъ Москвой польскій военачальникъ Жолкѣвскій еще ранѣе вступилъ въ переговоры съ боярами о томъ, чтобы войти въ Москву охранять столицу отъ людей Тушинскаго вора. Патріархъ Гермогенъ всячески противъ этого возражалъ, но его не слушали. Сторонниковъ патріарха засадили въ тюрьму. Поляки заняли Москву.

Патріархъ видѣлъ теперь, что единственное спасеніе Россіи—во всенародномъ ополченіи, которое одно можетъ вырвать Москву, а съ ней всю землю изъ рукъ поляковъ и избрать царя. И онъ сталъ составлять граматы, которыя разослалъ по русскимъ городамъ, подымая ихъ на избавленіе Руси отъ ея тяжкихъ бѣдъ.

Нѣкоторые вліятельные люди старались уговорить патріарха написать грамату къ русскимъ людямъ, чтобы они во всемъ подчинялись королю Сигизмунду, написать и къ русскимъ посламъ подъ Смоленскомъ, чтобы тѣ тоже не прекословили королю.

Патріархъ отвѣчалъ на это, что онъ требуетъ присоединенія Владислава къ православію и вывода изъ Москвы всѣхъ поляковъ, и грозилъ проклясть всѣхъ, кто будетъ дѣйствовать заодно съ поляками и русскими измѣнниками. Патріархъ прибавилъ, что онъ благословляетъ всѣхъ русскихъ людей итти на освобожденіе Москвы.

Одинъ изъ русскихъ измѣнниковъ, Салтыковъ, замахнулся на святителя ножомъ, но просилъ прощенія. Другому измѣннику Мстилавскому патріархъ предсказалъ быстрое прекращеніе жизни и уничтоженіе сплошь всего его рода.

Къ Москвѣ между тѣмъ сходились защитники: рязанцы во главѣ съ Прокопіемъ Ляпуновымъ, калужане и казаки. Замѣнившій Жолкѣвскаго польскій вождь Гонсѣвскій грубо потребовалъ отъ Гермогена остановить шедшее на Москву ополченіе.

Патріархъ отвѣчалъ:

— Благословляю всѣхъ достойныхъ вождей христіанскихъ утолить печаль отечества и церкви.

Пословъ, пріѣзжавшихъ къ нему изъ городовъ, святитель упрашивалъ стоять твердо за родину и за православную вѣру. Голосъ патріарха раздавался по Руси призывнымъ громомъ. Онъ былъ начальный человѣкъ. Его только и слушались, на него лишь и надѣялись.

Новой граматой своей онъ призывалъ народъ вооружаться противъ поляковъ, разрѣшилъ всѣхъ отъ присяги Владиславу, звалъ скорѣе къ Москвѣ. Злобные враги все болѣе стѣсняли свободу патріарха и, наконецъ, приставили къ нему стражу, такъ что ему рѣдко приходилось говорить съ приходившими въ Москву, для свиданія съ нимъ, русскими людьми.

Въ апрѣлѣ 1611 года подъ Москвой собралось около ста тысячъ ополченцевъ, подъ предводительствомъ Ляпунова, князя Трубецкого и казачьяго атамана Заруцкаго. Боясь народнаго возмущенія, поляки выпустили на Вербное Воскресенье святителя изъ заключенія, и онъ совершилъ обрядное «шествіе на осляти».

Поляки снова потребовали отъ святителя, чтобы онъ отклонилъ возстаніе городовъ и удержалъ Ляпунова. Гермогенъ опять отказалъ. Тогда поляки объявили его лишенымъ патріаршаго сана и заключили въ подземелье Чудова монастыря. По преданію, ему спускали только снопъ овса и воду. Этою пищею онъ питался.

Но святитель продолжалъ вѣрить въ родную, униженную землю и ждать съ надеждой окончанія бѣдствій. Не поколебалась вѣра его въ Русь и тогда, когда ополченіе разошлось послѣ смерти Ляпунова, когда Сигизмундъ взялъ Смоленскъ съ помощью измѣнника, показавшаго полякамъ ходъ въ плохо защищенныя ворота, и когда шведы заняли Новгородъ.

Гермогенъ былъ непоколебимъ. Въ августѣ 1611 года въ Кремль вошелъ и тайно пробрался къ патріарху Гермогену одинъ человѣкъ съ Волги. Патріархъ быстро составилъ

свою послѣднюю грамату и отослалъ ее въ Нижній-Новгородъ.

Онъ посылалъ въ этой граматѣ благословеніе всѣмъ поднявшимся за Родину и разрѣшеніе въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ за то, что они твердо стоятъ за вѣру.

Предсмертная грамата патріарха Гермогена сдѣлала свое дѣло: она воспламенила знаменитаго Козьму Минина Сухорука и подвигла его къ его безсмертному кличу.

Въ безсильной злобѣ поляки заморили Гермогена голодомъ. Въ послѣднее время, уже отходя, онъ чуднымъ образомъ сносился духомъ со своей паствой. Онъ слышалъ бряцаніе оружій, чуялъ людей, собравшихся на освобожденіе Москвы, посылалъ имъ благословеніе.

Онъ отошелъ. Но кончина его зажгла звѣзду освобожденія, и духъ его, казалось, стоялъ впереди русскаго дѣла.

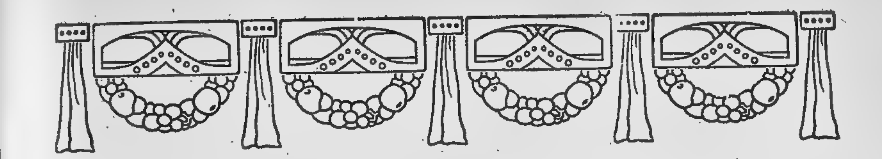
Трогательное преданіе говоритъ, что, когда вошли въ подземелье, гдѣ стояли мощи священномученика, умершаго отъ голода, нашли святителя окруженымъ высоко поднявшимся и заколосившимся овсомъ. Этотъ овесъ бросали страдальцу для пропитанія, и овесъ далъ чудесный ростъ безъ воды и безъ солнца: чудное знаменіе ради великаго подвига святителя.

Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ мученической кончины, нетлѣнныя мощи патріарха Гермогена были перенесены изъ Чудова монастыря въ московскій Успенскій соборъ къ прочимъ патріархамъ.

Въ послѣдніе годы въ Москвѣ возникло сильное тяготѣніе къ памяти святителя Гермогена. Записано не мало исцѣленій, происшедшихъ у его гроба.

Нетлѣнныя мощи святителя почиваютъ не въ землѣ, а надъ поломъ. Надгробіе богато украшено, надъ нимъ теплятся неугасимыя лампады и много свѣчей, которыя ставятъ усердные богомольцы.

И когда вы стоите у гробницы безсмертнаго поборника Вѣры и Родины у западной стѣны Успенскаго собора, вы переживаете скорбные и великіе дни русскаго прошлаго. Вы слышите безстрашную рѣчь его, и въ душѣ вашей слагается молитва: «И нынѣ храни землю русскую, священномученикъ Гермогенъ, какъ сохранилъ ты ее въ дни величайшаго испытанія, изъ позора и распада выведя ее къ славѣ и счастью».

Козьма Мининъ и князь Пожарскій.

Нижегородскій подвигъ Минина является величайшимъ изъ всѣхъ нашихъ историческихъ дѣлъ. Это было въ полномъ смыслѣ дѣло народное. Оно было создано исключительно руками и силами самого народа, всѣ же другія сословія являлись на этотъ разъ только помощниками.

Народомъ задуманное, народомъ прочувствованное, народомъ проведенное дѣло!

Въ Смутное время всѣ высшіе служилые люди Руси изолгались, перессорились, потянулись въ разныя стороны, избирая себѣ собственныхъ царей,—кто русскихъ, кто перекинулся къ иноземцамъ, всѣ преслѣдовали лишь одну цѣль—захватъ власти, усиленіе своего значенія, личное обогащеніе.

Русское общество того времени состояло изъ трехъ пластовъ. Эти пласты въ отношеніи государственномъ именовали себя тогда—богомольцами (то было духовенство), холопами (всѣ служилые люди) и сиротами (все земство — народъ).

Когда скончался сынъ Іоанна Грознаго, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, безъ прямого наслѣдника, то слуги, холопы устремились къ его сундукамъ, стали хватать выморочное имѣніе, безпощадно уничтожая противниковъ, протягивавшихъ руки къ этому имѣнію Одни, какъ Годуновъ и Шуйскій, имѣли удачу и торжествовали, записывая все это имѣніе за собою. Другіе, желая оттягать это богатство захваченнаго наслѣства, провели въ наслѣдники престола самозванца и въ помощь своему сомнительному дѣлу призвали на Русь ляховъ. Дальше, тѣ же люди, съ намѣреніемъ половить рыбку въ мутной водѣ, призвали на престолъ русскихъ царей польскаго королевича. Поляки, издавна завидовавшіе русскому сосѣду, начали распоряжаться на Руси

Видѣніе Козьмы Минина: явленіе преп. Сергія Радонежскаго.

На весь этотъ развалъ смотрѣлъ съ грустью сирота—народъ. Онъ стоялъ передъ домомъ, или, лучше сказать, въ домѣ покойника, видѣлъ все творимое тамъ безчинство и назвалъ всѣхъ дѣятелей смуты мѣткимъ словомъ, назвалъ ихъ «ворами».

Народъ стоялъ и придумывалъ, какъ бы помочь дѣлу, какъ бы вызволить Родину изъ бѣды.

Первое народное движенiе во главѣ съ Ляпуновымъ шло отъ того же служилаго сословiя, которое направилось подъ Москву съ мыслью, какъ бы что захватить въ свои руки, какъ обогатиться. Да и самъ Ляпуновъ былъ буянъ: онъ хотѣлъ свергнуть Шуйскаго и посадить на престолъ Михаила Васильевича Скопина или князя Василiя Голицына.

Онъ тоже былъ не вполнѣ безпристрастенъ и дѣйствовалъ подъ влiянiемъ личныхъ соображенiй. Его ополченiя, въ которыхъ находилось много всякаго рода сброда и развращенныхъ бѣглыхъ холоповъ, растратили собранныя для ополченiя средства.

Между тѣмъ, «богомольцы», въ лицѣ троицкихъ монаховъ, разсылаемыми ими по землѣ граматами, поражали народный умъ краснорѣчивымъ изображенiемъ страданiй Родины.

Эти граматы убѣдили въ необходимости сдѣлать громадное усилiе и спасти православiе и Русское царство.

Теперь должны были подняться послѣднiя, подспудныя силы—тотъ народъ «сироты», которые, какъ было выше сказано, составляли третiй слой тогдашняго общества.

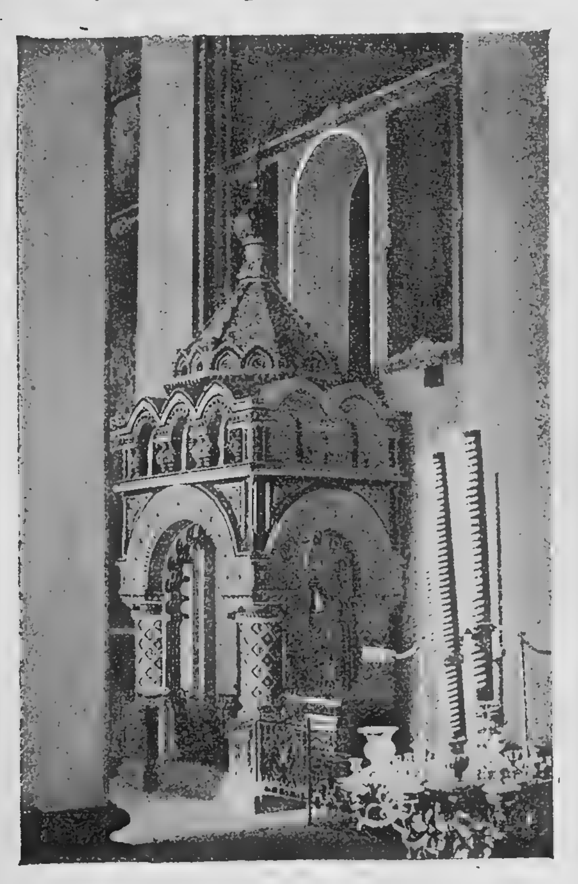
Знамя князя Пожарскаго.

И этихъ «сиротъ» поднялъ кличъ Минина, который призывалъ къ полному самоотверженiю для отечества. Здѣсь не только не было рѣчи о какихъ-нибудь захватахъ, объ исканiи боярскихъ чиновъ, боярскихъ вотчинъ, здѣсь пред-

лагалось отдать все—женъ и дѣтей, закладывать дворы и имѣнія, для спасенія Родины.

Кличъ Минина произвелъ сильное впечатлѣніе на общество, которое, подъ вліяніемъ его, повернуло съ кривыхъ дорогъ на прямой путь.

Чуднымъ образомъ дѣло Минина было внушено ему тѣмъ св. угодникомъ, который являлся попечителемъ Родины въ ея скорбные дни и который стоялъ при жизни во главѣ освободительнаго движенія Россіи отъ монголовъ.

Гробница Минина въ Нижегородскомъ соборѣ.

Человѣкъ благочестивый, Мининъ имѣлъ обычай, по временамъ, удаляться въ особую храмину для молитвы. Однажды въ этой храминѣ въ видѣніи предсталъ ему преподобный Сергій, повелѣлъ ему собирать казну, ратныхъ людей, итти съ ними и очистить Москву отъ враговъ.

Придя въ себя, Мининъ былъ въ великомъ страхѣ отъ видѣнія и не могъ ни на что рѣшиться. Собираніе рати казалось ему не его дѣломъ. Видѣніе повторилось опять, но Мининъ остался въ той же нерѣшимости. Наконецъ, преподобный Сергій явился въ третій разъ и сказалъ, что есть Божье изволеніе помиловать православный народъ и

города привести въ тишину. Еще же сказалъ, что старшіе въ городѣ не войдутъ въ это дѣло, а починъ положатъ младшіе, и это начинаніе ихъ приведетъ къ доброму концу.

Послѣ третьяго явленія Мининъ заболѣлъ и эту болѣзнь счелъ наказаніемъ за свое ослушаніе и невѣріе.

Вскорѣ онъ былъ избранъ всѣмъ городомъ въ земскіе старосты. Онъ принялъ это избраніе, какъ Божье указаніе на то, что ему надо исполнить приказаніе преп. Сергія. И въ земской избѣ онъ сталъ со слезами говорить о бѣдствіяхъ Отечества, упрекая сограждан въ бездѣйствіи.

Одни отъ этихъ рѣчей уходили отъ него даже съ бранью, другіе же, именно—меньшіе люди, приняли ихъ къ сердцу и утвердились въ рѣшеніи собирать казну и давать ратнымъ людямъ. Послѣ рѣчи Минина на площади, призывавшаго ничего не жалѣть для спасенія Родины, заложить женъ и дѣтей и собирать казну на ратныхъ людей, нижегородцы постановили знаменитый приговоръ, чтобы во всемъ слушать Козьму.

Тогда начался сборъ казны, и первымъ жертвователемъ былъ Мининъ, который положилъ передъ людьми почти все свое имѣніе, «мало что въ дому оставивъ».

Явленіе преподобнаго Сергія Минину объясняетъ, какъ могъ рѣшиться на такое великое, необычайное дѣло такой скромный человѣкъ, какъ Мининъ, съ скромнымъ общественнымъ положеніемъ: несмотря на свой умъ и достатокъ, онъ былъ только «говядаръ», т.-е. торговецъ мясомъ. Хотя онъ и былъ земскимъ старостой, а въ земскіе старосты избирали честныхъ и опытныхъ людей, «которые душой были прямы и всѣми посадскими людьми любимы»,— но отъ такого положенія до подвига, до стоянія во главѣ освободительнаго движенія было далеко.

Собирая казну для рати, нужно было подумать о предводителѣ этой рати. Нижегородцы остановились на князѣ Дмитріи Михайловичѣ Пожарскомъ.

Вообще нижегородскому народу во время смуты принадлежитъ громадная заслуга. Этотъ умный торговый, промышленный народъ, народъ самостоятельный, какъ Волга, у которой онъ кормился и по которой онъ хозяйничалъ, выказалъ въ смутное время большую стойкость. Онъ первый, одновременно съ Ляпуновымъ, пошелъ на призывъ патріарха Гермогена, все время находился съ патріархомъ въ письменномъ сношеніи и черезъ гражданъ своихъ все

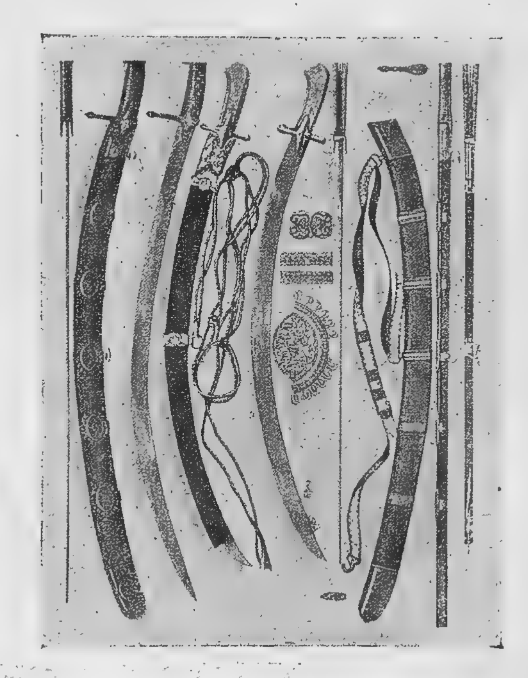
Рѣчь Минина къ нижегородцамъ. (Съ карт. Маковскаго.)

время зналъ, что дѣлается въ Москвѣ, и былъ готовъ двинуться на помощь страждущей Родинѣ.

Отдавши свое довѣріе Минину, нижегородскій народъ выказалъ ту же мудрость въ выборѣ военачальника, остановившись на князѣ Дмитріи Михайловичѣ Пожарскомъ.

Пожарскій былъ такой же безупречно чистый человѣкъ во время общаго шатанія, какъ и Мининъ. Онъ никогда не служилъ Тушинскому вору, не передавался на сторону Си-

гизмунда или Владислава. Раньше служилъ царю Василію и получилъ похвальную грамату за свою вѣрную службу. Затѣмъ онъ бился подъ Москвой съ поляками, былъ раненъ въ схваткѣ съ ними и увезенъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь, а затѣмъ въ Мугрѣевскую вотчину, подъ Суздалемъ, въ 120 верстахъ отъ Нижняго. Онъ былъ чрезвычайно скромный, не любилъ находиться на виду. Принять на себя званіе предводителя земскаго ополченія онъ согласился лишь послѣ многократныхъ просьбъ.

Сабли кн. Пожарскаго и Минина (Оружейная палата).

Деньги, которыя собирались для освобожденія Земли, тратились раньше неравномѣрно, обогащая сторонниковъ предводителей, какъ напр. Заруцкаго.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ сознали, что деньги должны быть всегда на счету и расходоваться гласно, съ повѣркою тѣми, кто ихъ собиралъ.

У Козьмы Минина и Пожарскаго это дѣло, какъ въ лѣтописи сказано, велось «по слову» т.-е. по полному взаимному соглашенію, безъ всякихъ недочетовъ, поборовъ, грабежей насилій и хищничества.

Всякая народная копѣйка шла на великое народное дѣло. Чтобы закрѣпить за собою распоряженіе собранными деньгами, Мининъ добился отъ нижегородцевъ такого приговора: «стоять за истину всѣмъ безъизмѣнно, къ начальникамъ быть во всемъ послушными и покорливыми и не противиться имъ ни въ чемъ, не жалѣть ратнымъ людямъ деньги собирать, а денегъ недостанетъ, отбирать не только имущество и дворы, и женщинъ и дѣтей закладывать, про-

давать и ратнымъ людямъ давать, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было». На этомъ всѣ нижегородцы «дали Богу душу свою», т.-е. присягнули и, какъ потомъ они отозвались о себѣ «нѣпощадя себя ни въ чемъ».

Въ Нижнемъ-Новгородѣ ратныхъ людей было немного, сходились люди изъ разныхъ мѣстъ, пришли смоляне, дорогобужане, вязьмичи. «Ихъ приняли честно», обѣщая жалованіе.

Отъ имени князя Пожарскаго нижегородцы написали волжанамъ и въ другія мѣста, призывая въ Нижній ратниковъ со всѣхъ концовъ Россіи, съ понизовья и съ верховыхъ городовъ, и отъ сѣвернаго поморья, и отъ замосковья.

Сѣдло кн. Пожарскаго.

«Воровскіе» люди думали воспрепятствовать князю Пожарскому стать во главѣ его рати, но это имъ не удалось. Князь спокойно сидѣлъ въ Ярославлѣ, ожидая подхода силъ. Здѣсь пришло извѣстіе о гибели 17 февраля въ подземельѣ Чудова монастыря патріарха Гермогена.

Съ апрѣля до августа Пожарскій и Мининъ пробыли въ Ярославлѣ. Посадскіе люди везли сюда казну, стягивались сюда. Здѣсь же произошло покушеніе на жизнь Пожарскаго, но, къ счастью, неудачное.

Между тѣмъ, литовскій гетманъ Ходкевичъ приближался къ Москвѣ съ оружіемъ, войсками и припасами. Узнавъ объ этомъ, Пожарскій поторопился къ столицѣ.

Когда Заруцкій услыхалъ о приближеніи Пожарскаго къ Москвѣ, то бѣжалъ въ Рязанскую область съ двумя тысячами своихъ сторонниковъ, захвативъ въ Коломнѣ

Князь Пожарскій въ битвѣ подъ Москвою (съ карт. Шарлемана).

Марину съ ея сыномъ (онъ былъ пойманъ уже въ царствованіе Михаила Өеодоровича, въ 1614 году).

Пожарскій подходилъ къ Москвѣ, предварительно остановившись у Троицы. Когда на горѣ Волкушѣ архимандритъ Діонисій благословлялъ русскія войска, явилось счастливое предзнаменованіе: вѣтеръ, дувшій войскамъ въ лицо, въ это время перемѣнилъ направленіе.

У Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ произошла стычка между русскимъ ополченіемъ и войсками Ходкевича. Стоявшіе здѣсь казаки колебались, но келарю Троицкаго монастыря Авраамію Палицыну удалось уговорить ихъ оказать поддержку русскому дѣлу.

Ходкевичъ былъ отброшенъ отъ Москвы.召 Мининъ взялъ отрядъ ратниковъ у Пожарскаго, направился на непріятеля съ тыла и тѣмъ окончательно рѣшилъ битву.

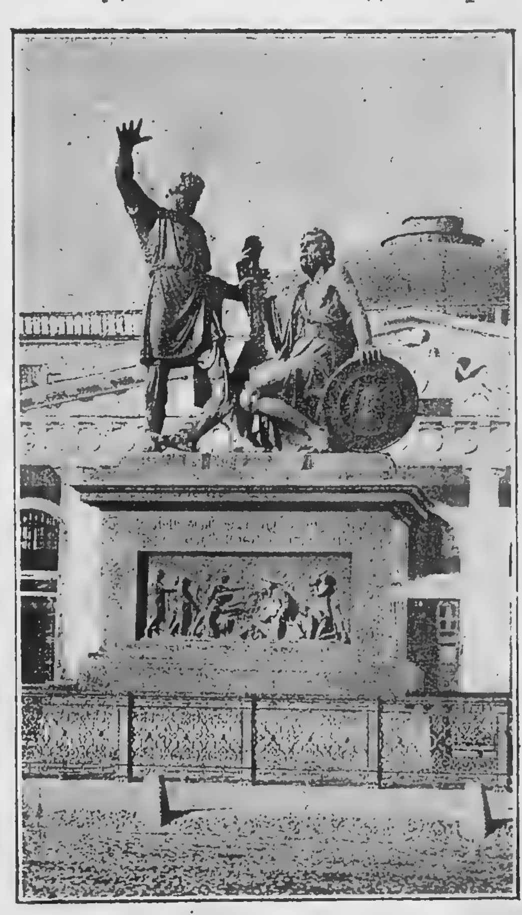
Въ осажденной Москвѣ былъ страшный голодъ: поляки ѣли даже человѣческое мясо.

22 октября былъ взятъ приступомъ Китай-Городъ, но въ Кремлѣ поляки продолжали держаться. Они позволили выйти изъ Кремля боярскимъ женамъ и дѣтямъ, чтобы освободиться отъ лишнихъ ртовъ.

Козьма Мининъ рѣшаетъ битву у Крымскаго брода.

Наконецъ, очистили поляки и Кремль. Передъ этимъ событіемъ радѣтель и попечитель Россіи, преподобный Сергій явился въ видѣніи пришлому греческому архіепископу Арсенію, томившемуся въ плѣну, и сказалъ: «Изыди въ срѣтеніе православному воинству—заступничествомъ Богоматери нынѣ царствующій градъ избавляется отъ враговъ».

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

Торжественнымъ ходомъ вступили русскіе въ освобожденную Москву; впереди шло духовенство съ крестами и хоругвями. Всѣ плакали, когда увидѣли разоренныя кремлевскія стѣны, престолы ободранные и посѣченные образа.

Теперь, когда врагъ былъ изгнанъ изъ сердца Россіи, нужно было подумать объ избраніи царя.

Въ Москву сходилось духовенство и выборные люди всѣхъ чиновъ для земскаго дѣла. Ища помощи Божьей, начали великое дѣло трехдневнымъ постомъ.

Послѣ долгихъ совѣщаній было рѣшено: «польскаго и свійскаго (т.-е. шведскаго) королей и ихъ дѣтей за ихъ многія неправды на московское государство не обирати и Маринкинаго сына не хотѣти».

Постановили избрать на престолъ своего человѣка, человѣка чистаго, непорочнаго, дорогого народу по воспо-

минаніямъ. Остановились на «Филаретовѣ сынѣ»—Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ.

Одинъ дворянинъ изъ Галича первый подалъ записку съ именемъ Михаила Ѳеодоровича Романова, въ то же время это имя объявилъ и донской атаманъ. Тогда со всѣхъ концовъ стали подавать записки съ именемъ юнаго Михаила—и дворяне, и богатые купцы, и города, и казаки.

Это было 7 февраля 1613 года, а 21 февраля 1613 года Михаилъ Ѳеодоровичъ окончательно былъ избранъ на царство.

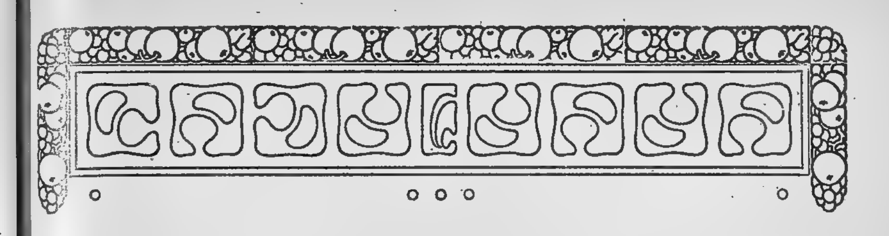
Духовенство и бояре съ крестныхъ ходомъ пришли на Красную площадь и съ Лобнаго мѣста спросили народъ, кого хотятъ на царство. Раздался единодушный кличъ: «Михаила Ѳеодоровича Романова».

При вѣнчаніи Михаила Ѳеодоровича на царство, 11 іюля, стольникъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій былъ пожалованъ въ бояре и держалъ во время обряда державу, а Козьма Мининъ Сухорукъ пожалованъ на другой день въ думные дворяне.

Въ Москвѣ передъ стѣнами Кремля, отбитаго отъ поляковъ, воздвигнутъ въ царствованіе государя Николая Павловича Минину и Пожарскому прекрасный памятникъ. Князь Пожарскій, опираясь на щитъ, сидитъ, зорко всматриваясь въ Кремль, на который вдохновенно указываетъ ему Мининъ рукою.

Памятникъ Минину воздвигнутъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ на вершинѣ высокаго холма, красуясь надъ Волгой и надъ заволжскими лугами.

Мининъ похороненъ подъ сводами нижегородскаго каѳедральнаго собора, а Пожарскій—въ родовой усыпальницѣ въ Суздалѣ, въ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ, гдѣ надъ нимъ воздвигнута великолѣпная гробница-часовня.

Архимандритъ Діонисій.

Великій поборникъ Отечества и Церкви, дѣятельно любившій Русь, преподобный Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіевской лавры, родился въ городѣ Ржевѣ, въ Тверскихъ предѣлахъ, и во святомъ крещеніи носилъ имя Давида.

Вскорѣ отецъ его переселился въ сосѣдній городъ Старицу, гдѣ и былъ старостою Ямской слободы. Здѣсь Давидъ у двухъ иноковъ мѣстнаго монастыря научился грамотѣ и въ отроческихъ годахъ уже стремился къ Царствію Божію.

Не склоненъ онъ былъ къ семейной жизни, но, по настоянію родителей, женился и имѣлъ двухъ сыновей.

За благочестіе свое онъ былъ поставленъ священникомъ и опредѣленъ къ церкви въ одномъ изъ селъ, принадлежавшихъ Старицкому монастырю. Черезъ шесть лѣтъ жена и дѣти умерли, и онъ постригся въ Старицкой обители.

Вскорѣ Діонисій былъ избранъ казначеемъ въ своей обители, а затѣмъ возведенъ въ санъ архимандрита. Онъ сталъ часто бывать въ Москвѣ и показываться среди народа. Онъ чувствовалъ, что можетъ быть полезенъ Родной Землѣ и вступилъ на тотъ путь служенія Родинѣ, на которомъ заслужилъ себѣ неизгладимую славу и безсмертіе.

То было время великой смуты. Недалеко отъ Москвы, въ принадлежащемъ Сергіеву монастырю селѣ Тушинѣ стояли польско-литовскія войска съ русскими измѣнниками, намѣреваясь захватить стольный городъ.

Въ людяхъ тогда была страшная шаткость, всѣ раздѣлились: одинъ братъ сидѣлъ на Москвѣ въ совѣтѣ съ царемъ Василіемъ, а другой въ Тушинѣ, съ Тушинскимъ воромъ. У многихъ отецъ былъ на Москвѣ, а сынъ въ Тушинѣ, и такъ

на битву сходились ежедневно сынъ противъ отца, и братъ противъ брата.

Однажды литовско-московскіе злодѣи схватили патріарха Гермогена и съ ругательствомъ поволокли его на Лобное мѣсто: одни толкали святителя, другіе швыряли ему въ лицо и на голову песокъ, третьи, схвативъ его за грудь,

Архимандритъ Діонисій.

дерзко трясли его. Всѣ приближенные патріарха разбѣжались и оставили его беззащитнымъ. Одинъ Діонисій ни на шагъ не отступалъ отъ него, страдалъ вмѣстѣ съ нимъ и съ горькими слезами уговаривалъ прекратить это безчинство.

Патріархъ Гермогенъ цѣнилъ стойкость Діонисія и, ставя его въ примѣръ духовенству, говорилъ:

— Смотрите на Старицкаго архимандрита: никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается; на царскихъ и вселенскихъ соборахъ всегда тутъ.

Вмѣстѣ съ ревностнымъ келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ Дiонисiй сталъ изъ освобожденнаго Троицкаго монастыря строить освобожденiе всего отечества.

По словамъ составителя житiя, онъ былъ привѣтливъ къ братiи и терпѣливъ къ досаждавшимъ ему, страннопрiименъ и несребролюбивъ, нестяжателенъ и не любитель власти, слѣдуя во всемъ благомъ обычно преподобному Сергiю, избавляясь его именемъ отъ бѣдъ. Никто не отходилъ скорбенъ изъ его келлiи, но всѣ удалялись изъ его келлiи, дивясь его незлобiю, ибо гнѣвное слово никогда не исходило изъ его устъ.

Весь день онъ молился, прерывая свои молитвы только для прiема братiи; служилъ по пяти и шести молебновъ, пѣлъ каноны Сладчайшему Iисусу и Богоматери. Ко сну онъ отходилъ только за три часа до благовѣста къ заутренѣ, и, когда понамарь приходилъ принять отъ него благословенiе, онъ, зажегши у него свѣчу, предъ иконой Пречистой полагалъ по триста земныхъ поклоновъ, а потомъ обходилъ свою келейную братiю, говоря: «Пора къ утренѣ».

Онъ былъ великимъ храмоздателемъ: иныя церкви сооружалъ вновь, другiя обновлялъ послѣ разоренiя и снабжалъ необходимою утварью, которая всегда у него была въ запасѣ. Онъ держалъ для работъ по церквамъ живописцевъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Часть устраивалъ изъ своихъ достатковъ, часть изъ того, что ему приносили богомольцы, зная его попеченiе объ убогихъ и о церквахъ.

Немедленно онъ эти жертвы передавалъ туда, гдѣ въ нихъ нуждались, а самъ не щадилъ своихъ силъ въ церковныхъ и келейныхъ молитвахъ за спасенiе душъ щедрыхъ дателей, которыхъ всѣхъ записывалъ въ помянникъ, ежедневно прочитывая ихъ имена на проскомидiи.

Онъ не только обновилъ, такимъ образомъ, все ветхое въ Троицкомъ монастырѣ, но и во всѣхъ отъ него зависѣвшихъ приходахъ мѣдные, оловянные сосуды замѣнилъ серебряными. Послѣ его смерти много осталось утвари, приготовленной имъ для обновленiя храмовъ.

Онъ строго соблюдалъ весь чинъ церковный, и самъ пѣлъ на клиросѣ и читалъ, имѣя дивный голосъ, притомъ такой явственный, что, если и тихо произносилъ ка-

кое слово, оно было слышно во всѣхъ углахъ и притворахъ.

Онъ былъ такъ красивъ и осанистъ, что едва ли могъ кто съ нимъ равняться. Лицо его, необыкновенно благолѣпное, было обрамлено длинной, широкой бородой, спускавшейся ниже груди, взоръ у него былъ ясный и веселый.

Каждую утреню самъ архимандритъ обходилъ всю церковь со свѣчой въ рукахъ, посмотрѣть, нѣтъ ли отсутствующихъ, и за таковыми посылалъ будильниковъ. Онъ пріу-

Защита Троицко-Сергіевской лавры. (Съ карт. Верещагина.)

чилъ братію къ такому равенству, что и старцы ходили звонить на колокольню. Самъ онъ выходилъ вмѣстѣ съ братіей на полевыя работы и въ огороды.

Но величайшее значеніе архимандрита Діонисія — въ тѣхъ трудахъ, которые совершилъ онъ по умиротворенію Россіи послѣ великой смуты, когда Москва была разорена и всѣ высшіе на Руси люди, отъ мала до велика, находились въ плѣну, и всякій чинъ, и возрастъ, и полъ мучился подъ огнемъ и мечомъ. Не было ни города, ни лѣса, ни пещеры, гдѣ можно было укрыться православнымъ.

Дома, церкви и обители были повсюду сожигаемы и оскверняемы. Не только міряне, но и священный чинъ вездѣ скитались нагіе, босые и томимые голодомъ. И вотъ тогда по всѣмъ путямъ бѣглецы стремились въ Троицкій монастырь. Вся обитель переполнилась умиравшими отъ голода и ранъ. Не только лежали они по монастырю, но и въ слободахъ и деревняхъ и по дорогамъ, такъ что невозможно было всѣхъ исповѣдать и пріобщить Святыхъ Таинъ.

Архимандритъ Діонисій сталъ обсуждать съ братіей, какъ помочь несчастнымъ.

Братія и слуги монастырскіе обѣщали:

— Если изъ монастырской казны послѣ умершихъ или живыхъ усердныхъ людей и вкладчиковъ будутъ давать бѣднымъ на кормъ, на одежду и на лѣченіе и работниковъ для службы и погребенія, то мы за головы свои и за жизнь свою не постоимъ.

Работа закипѣла. На монастырскія средства стали строить деревянные дома для бѣдныхъ и безпріютныхъ. Нашлись для нихъ и врачи. Одинъ инокъ вспоминалъ впослѣдствіи, что онъ со своимъ братомъ похоронилъ до четырехъ тысячъ мертвецовъ. Какъ только находили обнаженнаго мертвеца въ окрестностяхъ лавры, которыя всѣ были усѣяны трупами послѣ шестнадцатимѣсячныхъ тутъ дѣйствій польской рати, то немедленно посылали все нужное для погребенія. Приставы ѣздили на коняхъ по лѣсамъ смотрѣть, чтобы звѣри не съѣли замученныхъ врагами, а если кто былъ живъ, привозили въ страннопріимницы. Одежды отъ умершихъ раздавали бѣднымъ. Женщины шили и мыли безпрестанно рубашки и саваны, за что имъ давали изъ монастыря одежду и пищу.

Освобожденіе Москвы было самой дорогой мечтой для Діонисія. Всѣ полтора года, пока Москва была въ осадѣ, онъ, не переставая, въ церкви Божіей и въ келліи съ великимъ плачемъ стоялъ на молитвѣ.

У него былъ скорописецъ, который со словъ его писалъ въ города духовенству, къ воеводамъ и къ простымъ людямъ о томъ, что надо соединиться, всѣмъ міромъ подняться и итти на выручку Москвы. Онъ писалъ эти граматы въ Рязань и на сѣверъ, въ Ярославль и въ Нижній, и въ низовые города, и въ Москву, и въ Казань.

Эти граматы расходились по всей Руси и подготовили великое освободительное движеніе, поднявшееся въ Ниж-

Судъ надъ архимандритомъ Діонисіемъ. (Газенкампфъ.)

немъ. Когда отъ Москвы приходили раненые, голодные, истомленные люди, Діонисій увѣщавалъ братію кормить ихъ и уговорилъ къ трогательному рѣшенію: жаловать имъ все, что у нихъ было.

Въ теченіе сорока дней Троицкая братія питалась только небольшимъ количествомъ овсяного хлѣба однажды въ

день, а въ среду и пятницу вовсе ничего не ѣла и, сидя за трапезой, со слезами молилась.

Немощнымъ и раненымъ съ утра до вечера служила братія. Имъ приносили теплый и мягкій хлѣбъ и различные плоды, сколько разъ, кто хотѣлъ въ день, такъ что ни въ полдень, ни въ полночь не было покоя служителямъ, ибо приставы принуждали ихъ немедленно удовлетворять просящихъ.

Самъ Діонисій ни на часъ не давалъ себѣ покоя, постоянно обходя больныхъ, снабжая ихъ пищею и одеждою, и еще болѣе—духовными врачествами. Многіе желали исповѣдать свои грѣхи, требовали елеособорованія, иные, изнемогая кровью и слезами, просили напутствованія вѣчнаго. И всѣ въ смертный часъ пріобщались Божественнаго Тѣла и Крови, такъ что никто не отходилъ неочищеннымъ, съ неомытыми ранами не только душевными, но и тѣлесными.

И вѣнчалъ Господь усилія Діонисія. Граматы его подняли народъ, собрали для великаго дѣла «послѣднихъ» русскихъ людей. Князь Дмитрій Пожарскій и Козьма Мининъ двинулись къ Москвѣ съ воинствомъ и достигли Сергіевой обители.

Діонисій совершилъ молебствіе, провожалъ всѣмъ соборомъ воеводъ и ратныхъ людей на гору Волкушу и тамъ остановился съ крестомъ въ рукахъ, чтобы осѣнить ихъ, священники же кропили святой водой.

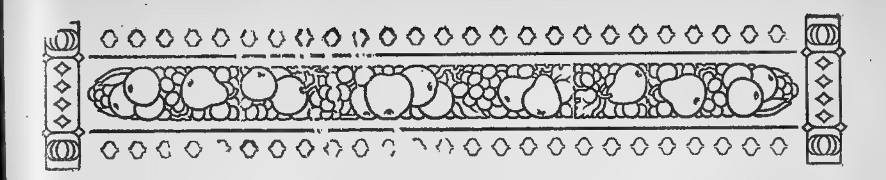
Въ то время сильный вѣтеръ дулъ навстрѣчу воинамъ: трудно было рати двигаться въ путь при столь бурномъ вѣтрѣ. Слезы текли по щекамъ Діонисія. Онъ обнадеживалъ воинство, совѣтуя имъ призывать въ помощь Господа и Его Пречистую Матерь и Радонежскихъ чудотворцевъ Сергія и Никона. Еще осѣнялъ онъ уходившую рать животворящимъ крестомъ, какъ вѣтеръ вдругъ измѣнился и подулъ въ тылъ войску отъ самой обители.

Когда Москва была освобождена отъ поляковъ, въ Кремль съ торжественнымъ пѣніемъ вступили Діонисій и весь освященный соборъ, и плакали они при видѣ поруганія польскими и литовскими людьми святынь московскихъ.

Архимандритъ Діонисій и келарь Троице-Сергіевской лавры Авраамій Палицынъ присутствовали и на великомъ Земскомъ Соборѣ, при избраніи на царство юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова.

Авраамій Палицынъ вмѣстѣ съ другими возвѣстилъ объ избраніи народа съ Лобнаго мѣста, и самъ въ числѣ великаго посольства ходилъ оповѣстить Михаила объ избраніи его на царство. Онъ умолялъ юнаго царя промѣнять тишину Ипатьевской обители на престолъ.

На пути къ столицѣ царь Михаилъ въ Троицкомъ монастырѣ съ мольбой припадалъ къ мощамъ преподобнаго Сергія, и Діонисій благословилъ Михаила на спасенное Русское царство. Впослѣдствіи враги обвинили архим. Діонисія въ порчѣ церковныхъ книгъ, исправленіемъ которыхъ онъ завѣдывалъ. Но на судѣ, въ присутствіи патр. Филарета и великой старицы Мароы, обнаружилась полная правота преподобнаго.

Преподобный Сергій Радонежскій въ Смутное время.

Сказаніе о подвижникахъ лихолѣтія было бы не полно, если бы мы не упомянули о преподобномъ Сергіи, игуменѣ Радонежскомъ и всея Россіи чудотворцѣ.

Преподобный жилъ за два вѣка до вспоминаемой нами великой смуты XVII вѣка. Онъ горячо, всею душою любилъ свою родину и непоколебимо вѣрилъ въ Россію, которая при его рожденіи была татарской данницей, а незадолго до его смерти, его благословеніемъ и совѣтами потрясла это иго, одолѣвъ хана Мамая на Куликовомъ полѣ (1380 г.).

По кончинѣ своей, преподобный Сергій Радонежскій не переставалъ принимать близкаго участія въ дѣлахъ Русскаго государства, въ самыя тяжелыя годины русской жизни.

Знаменитая шестнадцатимѣсячная осада Троицка-Сергіеваго монастыря соединенными силами тушинцевъ, поляколитовцевъ и русскихъ «воровъ», прославила основанную преп. Сергіемъ обитель по всему лицу Русской Земли.

Скопища эти явились у стѣнъ лавры 25 сентября 1608 года, въ день памяти преподобнаго Сергія. Въ обители тогда братіи было триста человѣкъ, изъ нихъ нѣкоторые служили раньше въ міру воинами. Находились въ монастырѣ и воеводы съ отрядами войска, вооруженные монастырскіе слуги и жители окрестныхъ селеній. Въ началѣ осады число защитниковъ простиралось до 2.500, а число осаждавшихъ доходило до 20.000 человѣкъ, подъ предводительствомъ польскихъ военачальниковъ Сапѣги и Лисовскаго. На предложеніе сдачи монахи отвѣчали отказомъ, помѣстивъ, между прочимъ, въ отказъ такія слова: «И десятилѣтнее отроча въ Троицкомъ монастырѣ смѣется вашему безумному предложенію». Первый приступъ былъ отбитъ, и даже защитники

поутру сами сдѣлали вылазку и сожгли осадныя орудія.

Преподобный Сергій словно поднялся изъ гроба. Вотъ является онъ понамарю Иринарху, предувѣдомляя о приступѣ осаждавшихъ враговъ и приказывая сказать воеводамъ, чтобы они не боялись. Въ эту ночь его видятъ окропляющимъ стѣны и зданія монастырскія святой водой. Когда стало извѣстно, что подъ монастырь ведется подкопъ, и всѣ ожидали, что взлетятъ на воздухъ, преподобный снова явился настоятелю съ ободреніемъ. Когда въ день архистратига Михаила, во время вечерни, непріятельское ядро пробило желѣзную дверь Троицкаго собора (пробоина доселѣ не задѣлана въ той же двери), Архимандриту явился архангелъ Михаилъ съ мечомъ въ рукахъ и, угрожая врагамъ, говорилъ: «Вскорѣ Всесильный Богъ воздастъ вамъ отмщеніе».

Защитники сдѣлали вылазку и опрокинули врага. Тутъ было найдено устье подкопа, веденнаго къ монастырю. Двое изъ монастырскихъ крестьянъ взорвали его и сами сдѣлались жертвой своего подвига.

Сраженіе продолжалось весь день. Монастырскіе воины захватили 8 большихъ пушекъ, мелкое оружіе, пули и порохъ, зажгли и истребили осадныя приспособленія непріятелей.

Въ концѣ іюня поляки произвели на монастырь жестокій приступъ. Замѣтивъ во-время приготовленія въ непріятельскомъ лагерѣ, защитники успѣли накипятить сѣры, смолы, натаскали извести и каменьевъ на стѣну, и поляки были вездѣ отбиты. Ничего не могли сдѣлать осаждавшіе и, послѣ шестнадцатимѣсячной осады, двѣнадцатаго января 1610 года, Сапѣга отступилъ.

Освободившись отъ осады, Троицкій монастырь продолжалъ служить Русской землѣ, успокаивая пострадавшихъ, ограбленныхъ, раненыхъ, умиравшихъ. Изъ Троицкаго же монастыря разсылались граматы, звавшія народъ соединиться и прогнать поляковъ. И самое дѣло освободительнаго движенія было внушено Козьмѣ Минину Сухорукому троекратнымъ явленіемъ ему преподобнаго Сергія.

И вспоминая тѣхъ, кто отдалъ тогда свои силы и свою жизнь за русское дѣло, какъ не поклониться молитвенно тому игумену всей Русской земли, который стоялъ тогда впереди всѣхъ борцовъ русскаго дѣла!

КЪ 300-ЛѢТІЮ ЦАРСТВОВ. ДОМА РОМАНОВЫХЪ

выпущены слѣдующія изданія (книги и брошюры подъ ред. засл. проф. П. Н. Жуковича):

1. Засл. проф. *Н. Михневичъ*. **Прошлое Россіи отъ Рюрика до Романовыхъ.** Ц. 30 к.
2. Проф. *А. Елчаниновъ*. **Державный Домъ Романовыхъ.** Ц. 30 к.
3. Засл. проф. *П. Жуковичъ*. **Смутное время и воцареніе Романовыхъ.** Ц. 25 к.
4. *Н. Дучинскій*. **Воцареніе Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 3 к.
5. *Л. Погожева*. **Безвинный страдалецъ—Михаилъ Никитичъ Романовъ.** Ц. 5 к.
6. *Е. Поселянинъ*. **Царица Анастасія Романовна.** Ц. 5 к.
7. *Его же*. **Герои и подвижники лихолѣтья XVII вѣка.** Ц. 15 к.
8. *Его же*. **Родоначальникъ Дома Романовыхъ—Патріархъ Филаретъ.** Ц. 10 к.
9. *Его же*. **Сусанинъ и его потомки.** Ц. 5 к.
10. *Н. Дучинскій*. **Три вѣка на Руси.** Ц. 10 к. Къ книжкѣ изготовлено 50 свѣт. карт. для публ. нар. чтен.: черн. по 40 к., раскр. по 1 р.
11. *Его же*. **Подъ скипетромъ Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 5 к.
12. Засл. проф. *Н. Михневичъ*. **Русь и Домъ Романовыхъ. Т. I. Исторія Россіи.** Ц. 40 к.
13. Проф. *П. Мигулинъ*. **Русь и Домъ Романовыхъ. Томъ II.** Ростъ Россіи въ экономическ. отношеніи. Ц. 50 к.
14. Проф. *С. Никоновъ*. **Россія и Домъ Романовыхъ.** Ростъ Россіи въ культурномъ отношеніи. Ц. 40 к.
15. *Г. Сѣверцовъ-Полиловъ*. **Михаилъ Феодоровичъ.** Ц. 12 к.
16. *Н. Феодоровъ*. **Тишайшій Царь—Алексѣй Михайловичъ.** Ц. 10 к.
17. *Л. Погожева*. **Царь Феодоръ. Царевна Софія.** Ц. 5 к.
18. Проф. *П. Ковалевскій*. **Петръ Великій.** Ц. 20 к.
19. *В. Мазуркевичъ*. **Императоръ Петръ II. Императрица Анна Іоанновна.** Ц. 5 к.
20. *Н. Носковъ*. **Императрица Елизавета Петровна. Императоръ Петръ III.** Ц. 10 к.
21. *Его же*. **Екатерина Великая.** Ц. 15 к.
22. *Н. Феодоровъ*. **Императоръ Павелъ.** Ц. 5 к.
23. *Н. Дучинскій*. **Александръ Благословенный.** Ц. 10 к.
24. *А. Ефимовъ*. **Императ. Николай I.** Ц. 12 к.
25. *Н. Дучинскій*. **Царь-Освободитель.** Ц. 12 к.
26. *А. Д. Поповъ*. **Царь-Миротворецъ.** Ц. 12 к.
27. Проф. *А. Елчаниновъ*. **ЦАРСТВОВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.** Ц. 30 к.
28. *А. Заринъ*. **Изъ жизни Русскихъ Царей и Царицъ** (разсказы, характер. и т. п). Ц. 35 к.
29. *А. Заринъ*. **Царскія развлеченія и забавы за 300 лѣтъ.** Ц. 30 к.
30. *Его же*. **Любимыя мѣстопребыванія Русскихъ Государей.** Ц. 25 к.
31. *Н. Жервэ*. **Сподвижники Русскихъ Царей** (за 300 лѣтъ). Ц. 30 к.
32. *Н. Дучинскій*. **Три столѣтія.** (Изъ произв. русскихъ писателей и поэтовъ и юбилейн. сборникъ). Ц. 35 к.
33. *Н. Сергіевскій*. **На зарѣ царства.** Историч. романъ (изъ временъ царя Михаила Феодоровича). Ц. 75 к.
34. *А. Заринъ*. **1. Великій кормчій. 2. Разрушенное счастье.** Историческ. разсказы изъ временъ царя Михаила. Ц. 10 к.
35. *Его же*. **1. Божья воля. 2. Царскій соколъ.** Историческіе разсказы изъ временъ Алексѣя Михайловича. Ц. 25 к.
36. *Его же*. **По-хорошему.** Историч. разсказъ изъ временъ Феодора Алексѣевича. Ц. 10 к.
37. *Его же*. **1. Первый взлетъ. 2 Доброволецъ.** Ист. разск. изъ вр. Петра Вел. Ц. 20 к.
38. *Его же*. **1. Видѣніе. 2. Ангелъ-хранитель.** Историческіе разсказы изъ временъ Екатерины I и Петра II. Ц. 15 к.
39. *Его же*. **1. Стрѣлокъ. 2. Сказка.** Историческіе разсказы изъ временъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Ц. 15 к.
40. *Его же*. **Царицынъ подарокъ.** Историческ. разсказъ изъ временъ Екатерины II. Ц. 15 к.
41. *Его же*. **1. Неожиданное счастье 2. Царское великодушіе.** Историческіе разсказы изъ временъ Павла I и Николая I. Ц. 15 к.
42. *Его же*. **1. Неузнанный царь. 2. Урокъ на всю жизнь.** Историческіе разсказы изъ временъ Александра I. Ц. 5 к.
43. *Н. Соколовъ*. **За природнаго Царя.** Драм. сцены въ 6 карт. Пьеса къ предст. дозв. и къ предст. въ нар. театр. одобрена. Ц. 20 к.
44. *А. Котомкинъ*. **Кантата въ стихахъ** (безъ музыки). Ц. 5 к.
45. *А. С. Танѣевъ*. **Родина наша.** Музык. пьеса. Партитура и голоса. Ц. 50 к.
46. *И. Армсгеймеръ*. **Къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ.** Въ стихахъ, съ музык. и пѣн. (съ сопровожд. свѣт. картинъ). Парт. 1 р. 50 к., оркестр. партіи 4 р. 16 свѣт. картинъ: черн. 6 р. 40 к., раскр. 16 р.

Портреты: Государя Императора 5 р., 1 р., 25 к., 5 к. **Государынь Императрицъ** 5 р., **Наслѣдника Цесаревича** 5 р., каждаго Государя изъ Дома Романовыхъ 1 р. 25 к.

Памятки къ 300-лѣтнему юбилею. Ц. 1 р. 25 к., 50 к., 15 к., 5 к.

Альбомъ къ 300-лѣтію Царствующаго Дома Романовыхъ. Ц. 25 к.

ВСѢ ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

Съ требованіями обращаться: 1) въ книгоизд. «Сельскаго Вѣстника»—Спб., Мойка, 32; 2) къ Т-ву И. Д. Сытина—Москва, у Ильинскихъ воротъ, или въ отдѣленія Т-ва И. Д. Сытина—въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Ростовѣ-на-Дону и Иркутскѣ.

Цѣна 15 коп.

Литографія Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1913.

ГЕРОИ И ПОДВИЖНИКИ ЛИХОЛЕТЬЯ XVII